

Убедителен главный вывод: сарматские элементы прослеживаются до III в. н. э., а в более поздних памятниках (за исключением Верхнего Прикубанья) уже не наблюдаются. Е. П. Алексеева закономерно объясняет этот факт постоянным слиянием сарматов с местным меотским населением.

Глава завершается рассмотрением вопроса о ранних аланах на Северном Кавказе в I—IV вв. н. э. Автор обстоятельно излагает все наиболее существенные точки зрения на происхождение алан. Сама Е. П. Алексеева придерживается и посылку развивает версию о среднеазиатском (сако-массагетском) исходе асневских (асьянских) племен в Восточную Европу, где они, смешавшись с «протоаланами» (племенами аорского круга), сыграли ведущую роль на рубеже нашей эры в формировании ранних алан. Именно и только с этими ираноязычными номадами автор связывает становление традиции катакомбных могил в Северном Причерноморье и Предкавказье.

Вся сумма доказательств, использованных Е. П. Алексеевой, представляется убедительной.

Автор внимательно прослеживает основные вехи этнической истории Северо-Западного Кавказа в первых веках н. э. Хорошо обоснована мысль о конечном слиянии ранних алан и меотов (при этнокультурной победе последних) на среднем и нижнем течении Кубани к концу III в. н. э. Аргументирован и вывод, что «в верховьях Кубани ранние аланы генетически связываются со средневековыми аланами» (с. 161).

Произведенный разбор показал научную значимость нового труда Е. П. Алексеевой. Дискуссионность многих вопросов, поднятых и решаемых автором, лишь усиливает удовольствие по поводу выхода в свет работы, впервые обобщившей накопленные знания по сложной и запутанной проблеме место-сарматских связей, как части процесса, затрагивающего весь Северный Кавказ.

В. Б. Виноградов

Л. П. Кузьмина. Народное поэтическое творчество рабочих Сибири. (Рабочий фольклор как исторический источник). Улан-Удэ, 1977, 245 с.

В послевоенный период во всем мире, и в первую очередь в странах социалистического содружества, возрос интерес к устнопоэтическому творчеству рабочего класса, являющегося главной движущей силой революционного преобразования мира. Об этом, в частности, свидетельствуют наряду с появлением большого количества публикаций и исследований проведение ряда международных симпозиумов по рабочему фольклору и рабочей песне, а также организация специального симпозиума «Рабочий фольклор» в рамках VII МКАЭН, проходившего в 1964 г. в Москве.

В советской фольклористике в последние пятнадцать лет произошли значительные сдвиги в изучении устнопоэтического творчества рабочих, особенно заметные в 70-е годы, когда появились первые монографии, посвященные отдельным жанрам или проблемам рабочего фольклора, и значительно расширились проблематика и география исследований, а также их источниковедческая база (главным образом за счет привлечения архивных материалов). Перелом в изучении рабочего фольклора произошел во второй половине 60-х годов, чему в немалой степени способствовала первая в нашей стране научная конференция по рабочему фольклору, состоявшаяся в 1963 г. в Свердловске. На конференции, созданной с целью координации работы фольклористов в данной области, были рассмотрены ряд теоретических вопросов изучения художественного творчества рабочих, а также специфика и история его жанров. При этом главное внимание уделялось доктринальному фольклору, который и в последующие годы находился в центре внимания фольклористов. На основе материалов конференции Институтом русской литературы АН СССР был подготовлен сборник статей «Устная поэзия рабочих России», отразивший, как отмечалось в предисловии, «идущую в фольклористике борьбу мнений, коллективные поиски методики исследования произведений массового поэтического творчества рабочих»¹. Там же в предисловии была определена и программа дальнейшего развития исследований. «Задача состоит в том, — писал В. Г. Базанов, — чтобы от общих определений и риторических украшений перейти к подлинно научному изучению рабочего фольклора. Для этого необходимо создание „свода“ по рабочему фольклору, необходима большая публикаторская и текстологическая работа, развернутая сравнительная характеристика отдельных вариантов, критическая проверка старых и новых записей. Только на основе большого и авторитетного материала, опубликованного и архивного, можно строить обобщения, успешно разрабатывать общие вопросы истории рабочего фольклора»² (курсив мой.— Н. П.).

Рецензируемая работа Л. П. Кузьминой как раз и является результатом осмысления большого фактического материала, значительная часть которого впервые вводится

¹ «Устная поэзия рабочих России». Сборник статей под редакцией В. Г. Базанова. М.—Л., 1965, с. 5.

² Там же, с. 4.

в науку. Монография предшествовал составленный Л. П. Кузьминой сборник «Народная поэзия рабочих Сибири», изданный в 1974 г. в Улан-Удэ. В него вошли 212 текстов, при этом свыше ста из них, обнаруженные составителем в различных архивах, преимущественно сибирских, были опубликованы впервые. Хронологически сборник охватывает тот же период, что и монография, да и в расположении текстов отчетливо прослеживается тот же принцип, что и при их анализе (сочетание тематического и хронологического принципов)³. Все это дает основание рассматривать сборник Л. П. Кузьминой и как первый, подготовительный, этап исследования, и как развернутое приложение к нему. И если сборник был первой антологией устной поэзии рабочих Сибири, то монография является первым обобщающим исследованием ее.

Рецензируемая книга состоит из введения и четырех глав.

Во введении (с. 3—13) кратко изложены основные методологические и теоретические предпосылки исследования. В определении понятия «рабочий фольклор» (с. 8) и в выделении этапов развития рабочей песни Сибири Л. П. Кузьмина, «не вдаваясь в специальное обсуждение» этих вопросов, стоит на общепринятых позициях, выработанных советской фольклористикой в 50—60-е годы. Давая беглый обзор (с. 11—12) жанрового состава песенной поэзии сибирских рабочих, она оговаривает отсутствие в монографии «четкого деления поэзии сибирских рабочих по жанровому признаку». Об этом можно пожалеть, но ученый вправе выбирать те аспекты исследования, которые ему представляются более интересными и важными. Значительное внимание Л. П. Кузьмина уделяла обоснованию принятого ею рассмотрения песен по «профессиональным» циклам, объединяющим фольклор рабочих одной профессии. Такой подход к анализу материала, как справедливо указывает автор, «позволяет проследить процесс формирования духовного облика представителей отдельных отрядов пролетариата, судить об уровне их классового сознания, степени созревания пролетарского мировоззрения на различных этапах освободительной борьбы», а также «рассматривать их творчество как источник для изучения положения рабочих дореволюционной Сибири» (с. 9). Следует заметить только, что сама постановка проблемы «рабочий фольклор как исторический источник» не нова. Этот аспект изучения рабочей песни уже давно привлекает внимание фольклористов и, пожалуй, он наиболее исследован⁴.

Цель первой главы — «Поэзия рабочих Сибири в русской и советской фольклористике» — дать представление об истории собирания и изучения фольклора сибирских рабочих. Она состоит из двух разделов, которые существенно различаются по объему и соотносятся примерно как 2 : 1. При этом больший раздел (с. 14—45) посвящен деятельности дореволюционных собирателей и исследователей рабочего фольклора Сибири, меньший (с. 45—59) — изучению его в годы Советской власти. Такое соотношение мне кажется не совсем правомерным. И прежде всего потому, что настоящее исследование рабочего фольклора Сибири, как впрочем и других регионов, началось только со второй половины 1920-х годов, о чем, кстати, напоминает читателю и Л. П. Кузьмина (с. 45). До революции, как известно, песенное творчество рабочих обычно не выделялось из всей массы «новой» народной поэзии и запись его, а тем более изучение носили случайный характер. В Сибири, как и повсюду в России, оно привлекало внимание в основном демократически настроенных лиц — историков, этнографов, писателей, журналистов, интересовавшихся современной им жизнью народа и его творчеством. Подавляющее большинство записанных и опубликованных ими текстов уже давно широко вошло в научный обиход, а роль С. В. Максимова, В. И. Семевского, Н. М. Ядринцева, В. С. Арефьева в собирании и изучении поэзии рабочих Сибири также достаточно хорошо известна⁵. Поэтому, как мне кажется, характеристике их взглядов и деятельности можно было уделить несколько меньше места и за счет этого детальнее осветить работу сибирских фольклористов в 1920—1970-е годы.

Второй раздел первой главы представляется мне более интересным и информативным, благодаря тому, что в нем использованы и архивные данные, которые дали возможность всесторонне охарактеризовать деятельность сибирских фольклористов и любителей фольклора в области собирания и изучения устнопоэтического творчества рабочих в 1930-е годы, а также раскрыть ведущую роль М. К. Азадовского и его ученика А. В. Гуревича в разветвлении нового направления в советской фольклористике. К сожалению, в работе почему-то скороговоркой (один абзац и сноска на с. 59) сказано о вкладе Л. Е. Элиасова (редактора рецензируемой книги) в собирание и изучение ра-

³ Подробнее о сборнике см. рец. Н. С. Полищук. — «Сов. этнография», 1976, № 6, с. 150—153.

⁴ См., например, В. К. Соколова. Фольклор как историко-этнографический источник. — «Сов. этнография», 1960, № 4, а также: Д. И. Искрин. На торфяных болотах. Бытовой очерк по песням, записанным в Богородском уезде. Богородск, 1925; А. Н. Лозанова. Песни рабочих-крепостных. — «Резец», 1934, № 13; П. Г. Ширяева. Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1905—1907 гг. — «Славянский фольклор» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XIII), М., 1951; Н. Полищук. Приисковые и шахтерские бытовые песни как материал для изучения положения и быта рабочих. — «Сов. этнография», 1960, № 4; *ее же*. Рабочий фольклор как источник изучения условий труда и быта русских рабочих. — «Русский фольклор», XV, Л., 1975.

⁵ См., например, Н. С. Смирнова. Очерк этнографии рабочего фольклора. — «Уч. зап. Алма-Атинского гос. педагогич. ин-та им. Абая», т. 2, 1941; Я. Р. Кошелев. Русская фольклористика Сибири. Томск, 1962.

бочего фольклора Сибири. Судя по упоминаемому сборнику Л. П. Кузьминой и публикациям самого Л. Е. Элиасова, им собран, главным образом в 30—40-е годы, огромный, подчас уникальный материал. И, конечно, хотелось бы побольше узнать о нем. Непонятно также, почему историографическая глава заканчивается оценкой работы, проделанной Бурятским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (ныне Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) в предвоенный период. Может быть в последующие годы фольклором сибирских рабочих никто не занимался? Но такое предположение опровергается сносками на с. 59, 91, 99, 106, 233 и др. Видимо у Л. П. Кузьминой были какие-то основания для выбора именно таких хронологических рамок историографии, но тогда следовало это как-то оговорить.

Главы вторая и третья посвящены рассмотрению устнопозитического творчества рабочих Сибири соответственно в дореформенный период (с. 60—152) и в эпоху капитализма (с. 153—246). Во второй главе анализируется устная поэзия горнозаводских (с. 75—122) и фабрично-заводских (с. 122—152) рабочих: в третьей — рабочих золотых приисков (с. 153—212), строителей Сибирской железной дороги (с. 212—232) и шахтеров Сибири (с. 232—246).

Уже сама структура глав свидетельствует о том, что хронологический принцип здесь до конца может быть выдержан только в двух последних разделах, посвященных творчеству самых молодых отрядов сибирских рабочих, сформировавшихся в конце XIX в. Во всех остальных случаях он неизбежно должен в той или иной мере нарушаться, поскольку в рабочем фольклоре сосуществовали произведения, созданные в разное время и отразившие различные этапы формирования рабочего класса и его мировоззрения. Более того, тексты, предположительно возникшие в конце XVIII — первой половине XIX в., но впервые записанные лишь во второй трети XX в., вряд ли могут без соответствующих оговорок рассматриваться как творчество дореформенного периода, ибо в процессе длительного устного бытования они должны были претерпеть существенные изменения. Вообще к хронологическому приурочению рабочей поэзии следует относиться очень осторожно, особенно в тех случаях, когда записи отделены от предполагаемого времени их создания длительным промежутком времени. В противном случае не только может быть искажена общая картина развития рабочего фольклора, но и поставлена под сомнение его достоверность в качестве исторического источника.

Анализ поэзии сибирских рабочих в монографии предшествует краткое рассмотрение истории становления промышленности и основных источников формирования промышленных рабочих Сибири (с. 60—74). Раздел этот необходим для правильного понимания закономерностей возникновения и развития устной поэзии сибирских рабочих.

Особый интерес представляют разделы о поэзии горнозаводских и фабрично-заводских рабочих, в которых наряду с уже известными рассматриваются новые песни, обнаруженные автором в различных архивах (с. 76, 89, 97, 127—145, 149). Одна из них («Кто в Петровском не бывал») дала Л. П. Кузьминой возможность уточнить время появления популярного песенного зачина «Кто там-то» не бывал, тот и горя не видал», сдвинув его верхнюю границу почти на сто лет (с последней трети XIX в. в конце XVIII в.). Внимание фольклористов несомненно привлекут и впервые вводимые в научный оборот архивные материалы о бытовании и создании рабочих песен в XVIII в. (с. 79, 80, 83—85), и наблюдения о зависимости характера бытования песен от их жанра (с. 98), а также новый взгляд на процесс контаминации в поэтическом творчестве рабочих, которую, по мнению Л. П. Кузьминой, следует рассматривать «как активное начало, направленное на созидание и дальнейшее развитие рабочего песнетворчества» (с. 81).

Переходя к анализу песен фабрично-заводских рабочих, Л. П. Кузьмина справедливо отмечает, что они «более всего находились под влиянием крестьянской песенной традиции», объясняя это особенностями формирования данного отряда рабочих, не порвавшего связей с крестьянским хозяйством и бытом. В этом разделе в центре внимания автора находится песенная поэзия рабочих Тельминской суконной фабрики (с. 127—138, 145, 149), основанной в 1731 г. в 60-ти верстах от Иркутска. Творчество же рабочих солеваренных, сульфатного и винокуренных заводов, рассматривается главным образом в сравнительном плане. Песни этого цикла, отразившие различные стороны труда и быта рабочих, бесспорно являются ценным историческим источником. Они, как это убедительно показала Л. П. Кузьмина, содержат сведения о рабочих жилищах, об условиях труда, размерах заработной платы, о производственном быте рабочих, об их одежде, внешнем облике и т. п. Представляется только спорной датировка отдельных песен. В частности, конечно неправомерно отнесение песни «Вот рабочего каморка» (с. 132) к концу XVIII в. Ее язык, стиль, метрика (песня создана в традициях поэтов-суриковцев) наглядно свидетельствуют о том, что она могла возникнуть не ранее последней трети XIX в., а скорее всего на рубеже XIX—XX вв. Поэтому, разумеется, нельзя привлекать ее в качестве одного из аргументов для опровержения официальных сведений о положении рабочих Тельминской суконной фабрики в конце XVIII в.

В третьей главе основное внимание уделено песням рабочих золотых приисков, которые изучены лучше других песен сибирских рабочих, так как издавна привлекали внимание и фольклористов, и историков. К сожалению, Л. П. Кузьмина не упоминает об исследованиях своих предшественников. Исключение сделано только для Р. Раскольников-

кова (Ильина), опубликовавшего в 1914 г. в газете «Путь правды» статью «Рабочая поэзия».

Наибольший интерес в третьей главе представляет раздел, посвященный песням строителей Сибирской железной дороги, которые как и поэзия фабрично-заводских рабочих Сибири впервые были опубликованы Л. П. Кузьминой в ее сборнике. Завершается третья глава рассмотрением шахтерских песен. Их образы, мотивы, сюжетный состав мало чем отличаются от песен шахтеров Донбасса, что, как отмечает автор, вызвано «схожестью условий труда шахтеров Сибири и Донбасса в конце XIX в.» (с. 232). Но почти полное совпадение отдельных текстов (с. 233, 239, 240) вряд ли можно объяснить типологической общностью. Очевидно в данном случае следует говорить о заимствовании песенного репертуара переселенцев из тех районов Южной России и Украины, где работа на шахтах Донбасса была основным отхожим промыслом. Поэтому возникает вопрос о правомерности использования подобных текстов в качестве источника для изучения труда и быта шахтеров Сибири.

В заключительной главе—«Революционная поэзия рабочих Сибири» (с. 247—293)—наиболее ценными мне представляются приводимые Л. П. Кузьминой собранные буквально по крупицам сведения о путях происхождения, распространения, характере бытования и степени популярности произведений революционной рабочей поэзии—гимнической, агитационной, сатирической и посвященной отдельным историческим событиям, связанным с борьбой рабочих за свои права. Кстати, анализ именно последней группы песен (с. 280—284) более всего отвечает задачам, поставленным автором. Песни же первых трех групп, дающие, как правило, обобщенное изображение и положения рабочих, и их борьбы, вряд ли могут рассматриваться в качестве исторического источника при изучении локальных групп рабочих.

К сожалению, в книге имеется много мелких огрехов, которые легко было устранить в процессе редактирования: есть повторы, как смысловые (с. 154, 246, 293 и др.), так и дословные (на с. 198 и 236, например, приведется одно и то же высказывание В. И. Ленина); неудачные, нечеткие формулировки (с. 45, 46, 74—75, 81, 100, 291 и др.); погрешности в стиле; опечатки и не только буквенные, что тоже плохо, но и смысловые, а это уже недопустимо. Так вместо фольклорных экспедиций появляются архивные (с. 98), фактографичность заменяется фотографичностью (с. 113), а фольклор—фольклористикой (с. 244) и т. д. и т. п. Очень жаль, что Бурятское книжное издательство, выпустившее рецензируемую работу, не сочло нужным дать список опечаток.

В заключение мне хотелось бы еще раз отметить, что Л. П. Кузьмина вполне успешно справилась с поставленными ею задачами—обобщением имеющихся материалов по народной поэзии, созданной рабочими и бытовавшей в Сибири (с. 13), и показом того, что может дать историкам ее изучение. Но главная заслуга автора состоит, на мой взгляд, в привлечении нового материала, в расширении географии рабочего фольклора.

Поскольку постановка основной проблемы, рассматриваемой в монографии,—рабочий фольклор как исторический источник—уже достаточно апробирована в науке, я остановилась преимущественно на спорных и нерешенных вопросах, надеясь тем самым привлечь к ним внимание исследователей и стимулировать их разработку, что особенно важно в преддверии второй конференции по рабочему фольклору, которая в недалеком будущем должна состояться в Свердловске.

Н. С. Полищук